

НИКОЛАЙ ПЛИСКО

ОПЕРАЦИЯ “ИЗЪЯТИЕ-45”

11. “Правительство” без власти, но с большими запросами

Зимнее наступление Красной армии приостановило деятельность “подпольного государства”, уже изрядно подпорченную разгромом Варшавского восстания. Но вот фронт передвинулся на запад, практически вся Польша была освобождена Красной армией от гитлеровских войск, и подпольные деятели стали выглядывать из кустов. В Варшаву, точнее, в её пригороды стали возвращаться из Кракова, Пётркова и других городов прятавшиеся там деятели пролондонского подполья.

14 февраля 1945 года Янковский мажорно радировал в Лондон:

“Прибыл в район Варшавы. Созвал заседание Совета министров (подпольного) и комитета Главного совета Национального Единства. Прошу немедленно и постоянно высылать подробную информацию о результатах конференции трёх в Ялте”.

И опять, как после разгрома восстания, Янковский, Бень, Багинский и прочие оказались в подваршавских посёлках: Брвинове, Подкове Лесной, но центр находился в Миланувке – этом, как позднее точно выразился один советский офицер, – “маленьком Лондоне”. Это местечко совсем недалеко от Варшавы, сразу же за Прутковым, где немцы устроили концлагерь для участников Варшавского восстания и жителей города. Именно там, в Миланувке, на Грудовской улице находился бар “У актрис”, где собирались польские подпольщики самой разнообразной политической окраски. Этот клуб не прекратил своё существование и после прихода советских войск. Понятно, что он стал сразу же активно разрабатываться и советскими, и польскими спецслужбами.

В это время стали приходиться политические новости из Лондона. И первой информацией был подписанный Арцишевским и Березовским протест против решений Ялтинской конференции глав трёх держав.

Получив такое сообщение, польские министры-подпольщики устроили своё совещание. В течение четырёх дней они обсуждали полученную новость в Подкове Лесной, собрав представителей всех подпольных партий.

Сохранился протокол этих совещаний, насчитывающий несколько десятков страниц. Он был опубликован в Париже только в 1987 году, в эмигрантском журнале “Исторические тетради”. В Польше он известен лишь небольшому количеству историков, до публичной информации он не допускался: слишком глупо и по-детски выглядели составители этого документа – подпольные польские псевдоправители.

* Окончание. Начало в №5 за 2017 год.

Но ознакомиться с этим протоколом интересно. Он даёт совершенно ясное представление о менталитете и образе мыслей польских политиков того времени. Они словно законсервировали себя в периоде санации и совершенно не видели того, что происходит вокруг них, куда идёт страна.

Первым делом, конечно, Янковский зачитал депешу, поступившую из Лондона. Там содержалось предоставление полномочий для ведения переговоров «с представителями советов, если они об этом попросят».

Комментируя постановления Ялтинской конференции, делегат правительства заявил, что их содержанием «является принятие во внимание Люблинского правительства и игнорирование правительства в Лондоне, тем самым взятие под сомнение нашего юридического статуса».

По его мнению, появился принципиальный вопрос выработки отношений к принятым в Ялте решениям: «Нашим решением может быть только признание или непризнание (. . .). Надо совместно рассмотреть весь спектр вопросов. Нам неизвестны мотивы, по которым правительство не признаёт решений крымской конференции».

А у лидера людовцев Багинского был уже готов проект постановления в семи пунктах. И в первом же пункте значилось: «Совет вынужден выразить согласие» с постановлением Ялты, а на пост премьера Временного правительства Национального Единства должен быть назначен Миколайчик.

Выступление Янковского и заявление Багинского привели к тому, что обсуждение затянулось на весь первый день заседания. Но решались и практические вопросы. Пужак первым делом выдвинул предложение о том, чтобы в будущем членам правительства Национального Единства выплачивать суточные в размере 75 американских долларов в месяц и одноразово 100 долларов на одежду. В связи с этим определили бюджет на январь, февраль и март на подобные и прочие расходы в размере 1600 долларов ежемесячно. Деньги у польских подпольщиков были, и они прекрасно понимали, что в данной обстановке пришло время их делить, пока не поздно.

Проголосовав за это, все с облегчением завершили первый день заседаний. Самое важное дело в тот день было сделано. Поляки всегда были весьма практичны.

На следующий день делили посты. Пужак решительно требовал включения лондонцев в правительство Национального Единства.

Много было разговоров, но внимание всех привлекло выступление Окулицкого, сказавшего: «Сейчас борьба идёт за то, будет ли Польша инструментом в советских руках, или этого удастся избежать». И добавил, что «в Ялте к Польше отнеслись не как к союзному государству, а как к покорённому». Развивая свою мысль, он заключил: «Следует подумать, как будет выглядеть практически выполнение крымских постановлений. . . или англо-саксонский Пилат умоет руки. Только ознакомившись с выполнением, можно выработать мнение, и именно так я понимаю высказывание согласия подпольной Польши на принятие участия в переговорах с советами».

«Но переговоры, – повторял он, – могут оказаться комедией, следует поэтому соединить все национальные силы и держать их мобилизованными для *той долгой борьбы, которую ещё предстоит вести*». Показателем, критерием принадлежности к этому лагерю должно быть желание борьбы с влиянием НКВД». Распорядителем и представителем такой силы должен быть Миколайчик «ввиду его связей с англосаксами и его популярностью в стране».

Лишь на третий день совещания, после долгих споров и согласований, утвердили следующую резолюцию:

«1. Совет Национального Единства высказывает убеждение, что предпринятые без участия и согласия Польского государства решения Крымской конференции ещё до наказания Германии навязывают Польше, которая первой в мире предприняла борьбу с гитлеризмом за свою свободу и других, новые, неизмеримо тяжёлые и несправедливые жертвы.

Совет Национального Единства, решительно протестуя против односторонности решений конференции, вынужден подчиниться им, желая видеть в них в сегодняшней реальности возможность спасения независимости Польши, избежания дальнейшего уничтожения народа и создания основ организации собственных сил и для ведения будущей самостоятельной польской политики, направленной на создание мира в Европе, экономическое возрождение разрушенной страны и перестройки общественно-экономических отношений в Польше в духе действительной свободы и демократии.

Совет Национального Единства желает ещё через эту свою болезненную для польского народа позицию заявить о своём желании договориться с восточным соседом и завязать с ним постоянные, дружественные мирные отношения.

2. Исходя из этой позиции, Совет Национального Единства поступает так в уверенности, что как западные союзники Польши, так и СССР во имя признанной ими Атлантической хартии и демократии признают подлинную независимость Польского государства, а СССР воздержится от всякого вмешательства во внутренние дела Польши и создаст условия для того, чтобы Временное правительство Национального Единства было правительством на самом деле независимого Польского государства и имело полную возможность проведения выборов и исполнения власти в условиях действительной свободы и демократии с исключением всякого давления чуждых сил.

3. Совет Национального Единства выражает убеждение, что окончательное установление границы между Польшей и СССР наступит путём непосредственных переговоров между этими государствами, или же на мирной конференции; зато западная граница Польши будет передвинута до Нысы-Лужицкой и Одры, а на севере включит Восточную Пруссию.

4. Совет Национального Единства выражает уверенность, что общей форме решений ялтинской конференции о соглашении договоренности «с представителями демократий в стране и за границей» будет придано конкретное содержание в виде договоренности по вопросу создания Временного правительства Национального Единства с Советом Национального Единства в стране и с правительством и Национальным советом в Лондоне.

Совет Единства как представитель подпольной Польши заявляет о своей готовности вступить в переговоры по этому вопросу. Совет национального единства выражает мнение, что на пост премьер-министра Временного правительства Национального Единства должен быть назначен Станислав Миколайчик как человек, имеющий доверие широких масс польского народа и гарантирующий удержание в реальной форме союза Польши с западными союзниками и возможность достижения договоренности с СССР.

В связи с вышесказанным Совет Национального Единства ожидает предоставления возможности непосредственных переговоров подпольного движения с государственными органами в Лондоне и его представителями в эмиграции».

Как видим, в отличие от правительства (эмигрантского, в Лондоне), Совет Национального Единства не отмечает сходу ялтинских решений, хотя выступил с предложением участия правительства Арцишевского в работе по созданию Временного правительства Национального Единства, что не только совершенно отличалось от принятых в Ялте решений, но оказывалось в противоречии с намерениями англосаксов, не говоря уже о Советском Союзе.

Эта запись была успехом Пужака, энергично поддержанного Янковским. Багинскому удалось, несмотря на сопротивление руководителя ППС, ввести в текст решения однозначную поддержку Миколайчика как кандидата в премьеры будущего правительства.

Принятое решение Янковский немедленно переслал в Лондон, чтобы правительство Арцишевского вручило его кабинетам Британии и США, а также Миколайчику.

Только это уже не имело никакого смысла. Бумажка так и осталась ничёмной бумажкой. «Польский Лондон» должен был понять, что его гегемония на власть приходит к концу.

12. Дорога в Лондон не идёт через Москву

В Польше сразу же приступили и к практическим шагам. 22 января 1945 года комендант «АК» Радомско-Келецкого округа полковник Я. Зентарский дал следующее распоряжение своим подчинённым: «... в изменившихся условиях новой оккупации нашу деятельность мы должны направить на восстановление независимости и охрану населения. С этой целью следует использовать все возможности легальной деятельности, стараясь захватить все сферы жизни временного Люблинского правительства. Сохранять маленькие, хорошо конспирированные штабы и всю радиосеть (...) Обо всём этом не должны знать даже прежние соратники. Инструкции для новой работы вы получите».

Важную информацию передал 21 февраля членам Совета генерал Окулицкий. Он сообщил, что имеются «попытки навязать с ним контакты со стороны

маршала Жукова". Действительно, пока шли дебаты, на контакт с лидерами "подпольного государства" – кандидатами в состав будущего правительства – вышли представители командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Г. К. Жукова. Последовало предложение о встрече для разрешения проблемы деятельности "АК" в тылах Красной армии. Пока только об этом.

Поначалу лидеры подполья отказались от такой встречи. Но через несколько дней их решение почему-то изменилось.

Они ответили на письмо начальника оперативной группы НКВД в Радоме гвардии полковника Пименова от 6 марта 1945 года, адресованное делегату правительства Я. Янковскому и командующему Армией Крайовой генералу Л. Окулицкому с предложением провести переговоры с генерал-полковником Ивановым (псевдоним И. А. Серова, замнаркома внутренних дел СССР), представителем командования 1-го Белорусского фронта. В письме заключались гарантии абсолютной личной безопасности для польских участников переговоров.

В Лондон 11 марта пошла радиограмма польского подполья, уведомляющая о предложении Пименова и решении руководства подполья, уполномочивающего Я. Янковского вести переговоры с "комиссией трёх".

Первая встреча Я. Янковского с Пименовым состоялась 17 марта в г. Прушкове, неподалёку от Варшавы. Затем с Пименовым беседовали представители политических партий. Проходили обсуждения программы будущей встречи с генералом Ивановым. Рассматривался и вопрос организации перелёта представителей подполья в Лондон "для согласования действий с правительством, политическими деятелями и Миколайчиком".

Через три дня, 20 марта, Янковский получил от Пименова уведомление о том, что генерал Иванов прибудет в ближайшие дни, и он имеет полномочия Советского главнокомандования, "куда входит с согласия Сталина", обеспечить полякам самолёт для перелёта в Лондон.

Следующая встреча Янковского и Пименова состоялась 21 марта. Обсуждались чисто рабочие моменты: планируемая на 27 марта встреча Янковского, Окулицкого и председателя Совета Национального Единства Пужака с Пименовым, широкое обсуждение 28 марта всех проблем между генералом Ивановым и представителями польского подполья. А на следующий день – 29 марта – польская делегация из 12 человек полетит на советском самолёте в Лондон.

Однако 27 марта всё пошло иначе, чем было запланировано. Янковский, Окулицкий и Пужак, прибывшие в небольшой домик по адресу: Прушков, ул. Пенцинска, д. 3, были поставлены в известность, что никакой конференции или переговоров здесь, на месте, не будет, а вся их делегация полетит не сразу в Лондон, а через Москву, где и будет окончательно решён вопрос о перелёте в Лондон.

На следующий день эти трое были вывезены в Москву, а остальные тринадцать летели следующим самолётом. И не для переговоров они попали в Москву. Всех разместили в камерах внутренней тюрьмы НКВД на Лубянке.

13. Просто терпение кончилось

Все произошедшее стало результатом успешно проведённой НКВД операции под криптонимом "Изъятие". Во внутренних документах чекисты называли это "оперативно-чекистские мероприятия". Как же готовилась и проходила эта акция, каковы были итоги первых допросов, какую информацию получило советское руководство и как её использовало?

В период освобождения от немецкой оккупации всей территории Западной Украины и Западной Белоруссии местные силы "Армии Крайовой" приступили к реализации составленного в Лондоне плана восстания "Буря", а местные делегаты лондонского правительства – тоже по инструкциям эмигрантского правительства – попробовали объявить себя представителями законной власти.

В Люблине такой окружной "делегат", появившись буквально ниоткуда, объявил себя "новым Люблинским воеводой".

Новые польские власти, представители комитета Национального освобождения, посмотрели на этого пана, как на некий экспонат, и просто сказали ему по-русски и весьма ласково: "Пшёл вон, дурак!" И добавили ещё пару слов. В подобных случаях поляки предпочитают выражаться по-русски. И лондонца как ветром сдуло. Но дело на этом не закончилось. Подобные самозванцы появились и в Замостье, Жешове, Тарнобжеге, Перемышле, Ланьцуте.

Самым активным и бойким был “делегат” в Белостоке. Но “деятельность” этих господ везде кончалась одинаково — их просто вышвыривали вон.

Лёгкость, с которой удалось избавиться от “лондонцев”, поначалу вскружила голову представителям новой власти. Им показалось, что весь народ уже на их стороне, но это было не так. Приказ о разоружении отрядов “АК” был воспринят во многих частях негативно, и в августе-сентябре 1944 года некоторые подразделения “АК” так и остались в лесах.

Владислав Гомулка, тогда секретарь ЦК Польской рабочей партии, считал, что в условиях, когда часть Польши была уже освобождена, когда возникла возможность создать свою армию и этим увеличить усилия в борьбе с гитлеровской Германией, и когда начались объявленные ПКНО преобразования, — главным образом, в сельском хозяйстве, — для новой власти создались реальные перспективы широкой общественной поддержки, а значит — ограничения влияния подпольных сил.

Опережая события и игнорируя реальное развитие всех дел, Гомулка 5 сентября 1944 года вещал на совещании актива своей партии: “Не время сейчас сводить партийные счёты, карать следует только преступников, не оттапливать другие группировки и сказать им: да, хотя вы вели и неправильную, плохую политику, мы вас не отталкиваем, а приглашаем к сотрудничеству, к строительству демократической Польши... Ведя такую политику, (...) мы можем оторвать от реакции массы, которые ещё находятся под её влиянием. Это трудная задача, но мы должны её выполнить”.

Однако всё это оказалось лишь прекрасными мечтаниями. Вскоре новые власти убедились в их ошибочности. Они просто дали время лондонскому правительству перестроиться для работы в новых условиях.

Одним из проявлений деятельности “АК” стала организация массового дезертирства из польской армии. К примеру, почти весь личный состав 31-го пехотного полка 7-й дивизии 2-й Армии Войска Польского, перестреляв советских офицеров-инструкторов, дезертировал 13 октября. Это произошло как раз во время визита в Москву премьер-министра польского эмигрантского правительства С. Миколайчика.

Факт этого дезертирства особенно нервировал Сталина. Он прямо заявил Беруту, что “при оценке сил противника” поляки ввели в заблуждение его и самих себя.

“Сейчас, — говорил он, — надо бороться с противником, а не выступать в защиту “АК”. “На “АК” мы армию не построим”.

И уже 30 октября ПКНО издал Декрет об охране государства, который ввёл суровые кары — вплоть до смертной казни — за преступления, совершённые против государства, саботаж и диверсии, в том числе и за владение радиоприёмниками и недонесение о действиях, признанных преступными.

Ещё со второй половины 1944 года в Лондон стали поступать сведения о репрессиях против “АК” и деятелей подпольного государства.

В Лондон массово пошла информация о “терроре” против членов “АК” и подпольного государства, о малом влиянии Люблинского правительства.

Однако заместитель начальника штаба главного вождя генерал С. Татар в депеше генералу Л. Окулицкому (после поражения Варшавского восстания и ухода в плен генерала Коморовского, он исполнял обязанности командира “АК”), писал, что “действия ПКНО, несмотря на отсутствие общего сотрудничества с общественностью, показывают определённые достижения, такие как восстановление школьного образования, введение сельскохозяйственной реформы, что в соединении с общей усталостью населения ведёт к постепенному ослаблению отпора и даже грозит полным его исчезновением”.

14. Операция “Изъятие” — решение

22 марта 1945 года на стол народного комиссара внутренних дел СССР Л. Берии легко донесение советника НКВД при министерстве общественной безопасности Польши И. Серова, касающееся вступительных зондажных бесед с эмиссаром эмигрантского правительства на территории Польши Я. Янковским и руководителями подпольных политических партий.

Это было начало операции “Изъятие”. Недавно рассекреченное донесение по этому делу стоит того, чтобы привести его:

“В целях изъятия находящегося на нелегальном положении вице-президента Лондонского эмигрантского правительства (ошибка составителя доку-

мента, следует писать – вице-премьера. – **Авт.**) Польши ЯНКОВСКОГО (он же главный делегат эмигрантского правительства на территории Польши), а также руководителей основных подпольных политических партий, на которые опирается эмигрантское правительство, как-то: “Стронництво Людове”, “Стронництво народных демократов” (так в тексте. Правильно: “Стронництво народове”. – **Авт.**), “Стронництво праці”, “Стронництво демократичнее” и “ППС”, нами была разработана легенда встречи с вице-президентом ЯНКОВСКИМ для предупреждения его и организации “АК” о прекращении различного рода диверсионных действий в тылу фронта.

После переданного предупреждения Янковский просил организовать встречу с представителем командования фронта для дачи объяснений по этим вопросам. Нами было дано согласие.

17 марта ЯНКОВСКИЙ явился в наш адрес, где ему был предъявлен ряд обвинений в продолжающихся диверсиях со стороны “АК”, несмотря на существующий приказ о “ропуске” “Армии Крайовой”.

ЯНКОВСКИЙ пытался оправдаться и в заключение выдвинул вопрос о выходе из подполья всех политических партий, на которые опирается его правительство. При этом ЯНКОВСКИЙ заявил, что он может организовать встречу руководства этих политических партий с представителями командования фронта, которое может содействовать в их намерении выходить из подполья.

По нашему указанию начальник Радомской оперативной группы полковник ПИМЕНОВ провёл встречу с представителями трёх следующих политических партий: “Стронництво людове”, от которой явился президент подпольной партии профессор БАДИНСКИЙ (так в тексте. Следует читать: Багинский. – **Авт.**), член президиума этой партии польский судья БЕНЬ Адам и польский адвокат НЕЖВИЦ Станислав (так в тексте. Речь идет о Ст. Меже. – **Авт.**); от “Стронництво праці” – президент партии профессор ХОТИНСКИЙ (правильно: Хачинский. – **Авт.**) и секретарь ЦК этой партии УРБАН (правильно: Урбанский. – **Авт.**); от “Стронництво народных демократов” член президиума доктор политических наук ЯСЮКОВИЧ и член президиума ПОПЛАВСКИЙ (президент и заместитель президента этой партии нами ранее были арестованы).

На этих встречах было выяснено, что руководство этих политических партий имеет желание выйти из подполья, но боится репрессий со стороны Люблинского правительства и просит командование фронта содействовать в этих намерениях. При этом они обязались публично объявить о выходе из подполья и одновременно с этим выведут из подполья членов партии, находящихся с ними в отрядах “АК”.

По вопросу состава нового правительства в соответствии с решениями Крымской конференции представители партии “Стронництво людове” выдвигают на должность президента Польши ВИТОСА Винцента и премьер-министра – МИКОЛАЙЧИКА.

Представители партий “Стронництво народове” и “Стронництво праці” поддержали эти кандидатуры, одновременно заявляя, что они будут также выдвигать и своих представителей; на это им было заявлено, что этот вопрос не относится к нашей компетенции, поэтому мы не вступаем в его обсуждение.

Вчера на встрече тов. ПИМЕНОВА с вице-президентом ЯНКОВСКИМ был “разработан план предстоящих встреч с представителями политических партий”.

Этот план рассчитан на изъятие руководства пяти политических партий, входящих в состав подпольного правительства, вице-премьера ЯНКОВСКОГО, а также изъятие представителей партий, составляющих подпольную “Раду едности народной”.

И заканчивается это донесение так:

“Со своей стороны, считаю, что будет правильным под предлогом проведения переговоров собрать представителей всех партий в определённом месте, взять их под охрану, после чего дать возможность БЕРУТУ и МОРАВСКОМУ провести с ними переговоры, после которых решить вопрос об аресте или частичном освобождении.

Прошу Ваших указаний.

Серов”.

Какими же были дальнейшие шаги? Лучше всего на этот вопрос отвечает документ под грифом “Совершенно секретно”, датированный 27 марта 1945 года за подписью того же Серова:

“Продолжая развивать легенду предстоящей встречи с представителями подпольных организаций “АК” и политических партий, действующих на территории Польши от имени лондонского эмигрантского правительства, сегодня, в соответствии с Вашими указаниями, нами были задержаны:

Вице-президент (следует писать – вице-премьер. – Авт.) польского эмигрантского правительства, он же главный делегат на территории Польши ЯНКОВСКИЙ;

Президент “Рады едности народовой” ПУЖАК, он же председатель подпольной польской партии социалистов (ППС).

“Рада едности народовой” создана лондонским эмигрантским правительством как руководящий совет от представителей всех подпольных политических партий.

Исполняющий обязанности военного министра польского эмигрантского правительства – бригадный генерал ОКУЛИЦКИЙ, он же главный комендант “Армии Крайовой”, псевдоним “Недзвядек”.

На завтра имеется возможность собрать полностью всех членов “Рады едности народовой”.

Прошу Ваших дальнейших указаний

И. Серов”.

15. Операция “Изъятие” в действии

Как же был организован и проходил арест польского подпольного правительства? На этот вопрос отвечает подробный отчёт Серова, датированный тем же 27 марта.

“Проводя комбинацию по изъятию подпольного руководства “АК”, нами было установлено, что на территории Польши по указанию лондонского эмигрантского правительства создана подпольная “Рада едности народовой”, которой предоставили права польского парламента.

В состав “Рады едности народовой” входило по 2-3 представителя от каждой подпольной политической партии. Президентом “Рады едности народовой” был избран генеральный секретарь ППС ПУЖАК, член ППС с 1902 года с высшим юридическим образованием.

ПУЖАК, начиная с 1919 года, бессменно избирался депутатом Польского Сейма. В течение последних 17 лет ПУЖАК являлся генеральным секретарем ППС.

Кроме того, на территории Польши существует также Совет министров, который состоит из 4-х министров лондонского эмигрантского правительства. Совет министров возглавляет вице-премьер лондонского эмигрантского правительства ЯНКОВСКИЙ, инженер-химик по профессии, в прошлом состоял в “Партии труда” и принимал активное участие в профессиональном движении.

ЯНКОВСКОГО хорошо знают МИКОЛАЙЧИК и АРЦИШЕВСКИЙ, и до последнего времени ЯНКОВСКИЙ получал от АРЦИШЕВСКОГО руководящие указания по работе в подполье, имея с ним радиосвязь.

Как нами установлено, на последнем заседании Совета министров состоялось решение, которым на главного коменданта “Армии Крайовой”, бригадного генерала ОКУЛИЦКОГО, псевдоним “Недзвядек”, возложено исполнение обязанностей военного министра Польши.

Основные подпольные политические партии – ППС, Стронництво людове, Стронництво праци (труда), народные демократы и Стронництво демократично – также принимали активное участие в мероприятиях, проводимых лондонским эмигрантским правительством и входят в “Раду едности народовой” и в Совет министров.

Учитывая, что перечисленные подпольные органы и партии приступили к организованному мероприятиям, противодействуя Временному польскому правительству, нами, в соответствии с Вашими указаниями, были приняты меры к изъятию основных руководителей подпольных организаций. . .

... Как уже докладывалось, сегодня, 27 марта, состоялась “предварительная встреча” нашего представителя с ЯНКОВСКИМ, ПУЖАКОМ и ОКУЛИЦКИМ, которые после краткой беседы были под предлогом проведения переговоров с командованием доставлены к нам.

Нами установлено, что эти лица пришли одни без охраны и оружия, заявив оставшимся на месте жительства участникам, что они едут по деловым вопросам к военному командованию. Одновременно с этим предупредили основных депутатов “Рады единности народной” о необходимости явки на “совещание” в гор. Пружков (следует читать: Прутков. — Авт.) близ гор. Варшавы, где они также будут присутствовать. Таким образом, их исчезновение не вызовет подозрений.

Завтра, 28 марта, все депутаты “Рады”, а также и приехавшие с ними, в соответствии с Вашими указаниями, будут отведены к месту “совещания”.

Количество участников “совещания”, которые будут изъяты, сообщим дополнительно.

Нами также строго предупреждены о неразглашении указанной комбинации оперативные работники, принимавшие в ней участие.

БЕРУТУ и МОРАВСКОМУ было заявлено, что переговоры с ЯНКОВСКИМ не удались. ЯНКОВСКИЙ и другие скрылись, и у нас имеются предположения, что их кто-то предупредил о возможном задержании.

О последующем буду докладывать.

Серв”.

О том, что последовало далее, гласит донесение Берии Сталину и Молотову от 29 марта 1945 года под грифом “Совершенно секретно”:

“НКВД СССР докладывает, что 28 марта с. г. в Польше дополнительно арестованы председатели подпольных политических партий, члены президиума “Рады единности народной” и некоторые министры польского эмигрантского правительства, а именно:

вице-президент “Рады единности народной” Звезжинский Александр, председатель подпольной организации партии “Стронництво народове”, член этой партии с 1925 года;

вице-президент “Рады единности народной” Багинский Казимир, председатель подпольной организации партии “Стронництво людове”, член этой партии с 1915 года, с высшим образованием, по профессии журналист;

секретарь “Рады единности народной” Урбанский Франтишек, член подпольной организации партии “Стронництво праци”, по профессии журналист; председатель подпольной организации партии “Единство демократично” Чарновский Евгений, с 1939 года являлся одним из организаторов этой партии, с высшим образованием;

председатель подпольной организации партии “Стронництво праци” Хацинский Иосиф, член этой партии с 1940 года, с высшим юридическим образованием;

заместитель председателя и член главного управления подпольной организации партии “Единство демократично” Михаловский Станислав, с высшим юридическим образованием;

член президиума подпольной организации партии “Стронництво народове” Стыбульский Збигнев (правильно — Стыпулковский Збигнев. — Авт.), член этой партии с 1925 года, с высшим юридическим образованием;

член главного управления подпольной организации партии “Стронництво людове” Кобылянский Казимир, с высшим образованием (инженер-механик);

член президиума подпольной организации партии “Стронництво людове” Межва Станислав, член этой партии с 1930 года, с высшим юридическим образованием;

министр юстиции, просвещения и земледелия подпольного Совета министров польского эмигрантского правительства Бень Адам, с высшим юридическим образованием, член президиума подпольной организации партии “Стронництво людове”, член этой партии с 1921 года;

министр финансов и контроля подпольного Совета министров польского эмигрантского правительства Ясюкович Станислав, доктор политической эко-

номии, член президиума подпольной организации партии” Стронництво народов”, член этой партии с 1905 года;

директор информации Домбковский Юзеф, с высшим образованием, по профессии издатель литературы. (В списке арестованных по процессу шестнадцати не значится. Возможно, речь идёт о Юзефе Стемлере, псевдонимы Домбский Юзеф, “Ян”. — Авт.)

Арестованные доставляются в Москву.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Л. Берия”.

О предварительных результатах следствия по делу арестованных членов подпольной Крайовой рады министров Берия и Меркулов незамедлительно докладывали в Кремль.

“4 апреля 1945 года

Тов. Сталину

Тов. Молотову

Докладываем предварительные результаты следствия по делу арестованных поляков, проводивших вражескую работу в тылу Красной армии на территории Польши.

По делу арестовано 16 человек. Список арестованных прилагается.

Допросами арестованных установлено, что работой подпольных организаций на территории Польши руководил созданный в 1943 году подпольный совет министров “Крайова рада министров”. Председателем “Крайовой рады министров” является заместитель премьер-министра лондонского правительства — Янковский Ян-Станислав Иосифович, с пребыванием в Польше...

... По вопросу своей нелегальной работы в Польше арестованные дали следующие показания:

1. Янковский Ян-Станислав Иосифович

На допросе Янковский заявил протест против своего ареста и выдвинул требование: сообщить о задержании членов подпольного польского правительства тов. Молотову, выделенной Крымской конференцией “Комиссии трёх”, а также лондонскому правительству в лице Арцишевского и бывшего премьер-министра Миколайчика.

Янковский показал, что после назначения его заместителем премьер-министра лондонского правительства деятельность подпольного совета министров направил против Польского Временного правительства, которое, с его точки зрения, не является законным. Янковский заявил, что “сторонники лондонского правительства Польши не могут признать законность существующего в Польше Временного правительства, которое держится у власти силой Красной армии и не является выразителем воли польского народа”.

“Мы, — заявил Янковский, — не желаем, чтобы Польша была 17-й республикой СССР, мы хотим свободы и будем за неё бороться”.

2. Пужак Казимир Войцехович

Пужак показал, что по своей нелегальной работе в Польше, он был связан по радио с польским эмигрантским правительством в Лондоне, в частности, с бывшим премьер-министром Миколайчиком, а после его ухода в отставку — с Арцишевским и вице-премьером Яном Квапинским, он же председатель секции ППС за границей.

Пужак показал, что польское правительство в Лондоне, прежде чем принять какое-либо решение, запрашивало мнение подпольного парламента — “Рады едини народнойой” — по соответствующим вопросам.

На следствии Пужак заявил, что Временное правительство Польши он считает незаконным и с его руководителями согласился бы сотрудничать лишь в случае переизбрания их на основе Польской Конституции 1935 года.

3. Бень Адам Валентинович

Бень показал, что в 1943 году работал при немцах судьёй по польским гражданским делам в Варшаве, был введён в состав подпольного совета министров. В начале 1945 года, до опубликования решений Крымской конференции, премьер-министр польского лондонского правительства Арцишевский выдвинул перед подпольным советом министров предложение о вступлении

в переговоры с советским правительством и создании независимой Польши. Арцишевский предлагал при переговорах иметь в виду необходимость обеспечения самостоятельности Польши и недопущения вмешательства Советского правительства во внутренние дела.

После опубликования решений Крымской конференции от Арцишевского была получена телеграмма с указанием: решения Крымской конференции отвергнуть и ни на какие уступки и соглашения с Советским правительством не идти.

Незаконное правительство в Польше, обсудив решения Крымской конференции и телеграмму Арцишевского, постановило:

А) Вступить в переговоры с Советским правительством и добиваться компенсации Польше взамен отошедшей к СССР территории за счёт Восточной Пруссии и восточной части Германии.

Б) Вести борьбу за самостоятельность Польши и не допускать присоединения её к Советскому Союзу в качестве союзной республики.

В) Существующее в Польше Временное правительство считать агентурой Москвы.

4. Пайдак Антоний Юзефович

Пайдак показал, что после оккупации немцами Польши он перешёл на нелегальное положение и проводил подпольную работу в Краковском воеводстве. В 1943 году Пайдак по предложению генерального секретаря ППС Пужака переехал в Варшаву и от ППС был введён в состав подпольного польского правительства в качестве министра.

Во время восстания в Варшаве Пайдак руководил гражданской администрацией на территории, находящейся под властью "Армии Крайовой".

После освобождения Польши от немецких оккупантов Пайдак продолжал работу в составе подпольного совета министров.

5. Ясюкевич Станислав Игнатьевич

Ясюкевич показал, что в январе 1941 года, проживая в Варшаве легально, был арестован немецкими властями, три месяца содержался под стражей и якобы по ходатайству графа Потоцкого Маврикия, лично знакомого с Герингом, был освобождён.

Как член президиума партии национал-демократов – "Стронництво народов" Ясюкевич – в декабре 1943 года был введён в состав подпольного совета министров.

Ясюкевич отказывается назвать участников подполья, заявляя, что не желает выдавать их органам Советской власти.

6. Окулицкий Леопольд Блажевич

Окулицкий показал, что в октябре 1943 года он из Италии был вызван в Лондон Соснковским и назначен заместителем командующего "Армии Крайовой" с выездом в Польшу.

Соснковский предложил Окулицкому подготовить до 200 человек офицерского и рядового состава и перебросить их в оккупированную немцами Польшу для проведения разведывательно-диверсионной работы.

В этих целях Окулицкий с помощью англичан организовал специальную школу в Ираке, и в течение 1944 года лица, окончившие эту школу, были переброшены на самолётах в Польшу.

Сам Окулицкий был переброшен в Польшу англичанами в мае 1944 года на самолёте из Италии с группой офицеров в количестве 6-ти чел. в качестве заместителя командующего "Армией Крайовой".

Как показывает Окулицкий, он вместе с командующим "Армией Крайовой" Бур-Комаровским руководил варшавским восстанием. После подавления восстания и сдачи Бур-Комаровского в плен немцам, Окулицкий скрылся и решением лондонского правительства был назначен командующим "Армией Крайовой" в Польшу.

На допросах Окулицкий ведёт себя вызывающе, заявляя, что он арестован незаконно, и отказывается давать показания о существующем в Польше подполье.

Л. Берия
В. Меркулов".

Но внезапно настроение Окулицкого кардинально переменялось. Повторилась ситуация 1939 года, когда он письменно заявил НКВД о своей лояльности и желании сотрудничать. 4 апреля 1945 года Окулицкий направил Берии следующее письмо, написанное им по-русски (до сих пор оно не было известно):

“Г. Москва 4 апреля 1945 г.
ГОСПОДИНУ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР БЕРИЯ

Вместе с делегатом ЖОНДА на крае ЯНКОВСКИМ и председателем “Рады Едности Народовой” ПУЖАКОМ я явился 27-го марта с. г. по приглашению господина генерала ИВАНОВА до советских властей в целях повести разговоры для создания жизни в Польше в духе искренних и дружеских польско-советских отношений не только в данном периоде, но и в будущем. Я решил содействовать всеми моими силами для налаживания добрососедских отношений против действий акций, имеющих намерение помешать этим добрососедским отношениям.

Искренность моих разговоров теперь ограничена моей боязнью, что они могут привести к репрессиям бывших солдат “Армии Крайовой”, с которыми я совместно работал.

Если господин министр как член Советского правительства даст мне гарантию, что никто на основе моих разговоров не будет репрессирован советскими властями за прошлую их деятельность, и если мне будет дана такая возможность в целях ликвидации акций, портящих взаимно польско-советские отношения, я готов с полной искренностью, откровенностью и хорошим желанием вести разговоры по вопросу деятельности “Армии Крайовой”.

ОКУЛИЦКИЙ”.

16. Завершение операции “Изъятие”

Тем временем намеченная и чётко спланированная НКВД операция продолжалась. О её ходе советник НКВД при Министерстве общественной безопасности Польши И. А. Серов докладывал из района расположения частей 1-го Белорусского фронта наркому внутренних дел СССР Л. Берии (не позднее 5 апреля – по дате рассылки):

“В дополнение к нашим сообщениям по вопросу изъятия основных руководителей подпольных организаций эмигрантского польского правительства докладываю:

После Ваших указаний об усилении арестов руководителей подпольных организаций, действующих на территории Польши, нам в последних числах февраля месяца с. г. стало известно о существовании на территории Польши известных Вам представителей эмигрантского польского правительства в Лондоне, в связи с чем были приняты меры для установления их места нахождения. В этих целях нами были использованы вышедшие из подполья и легализовавшиеся офицеры “Польской армии людовой”.

В первых числах марта нам удалось установить непосредственную связь с бывшим адъютантом генерала Окулицкого, майором “Вир” (псевдоним), после чего офицеры “Польской армии людовой” из комбинации были выведены и последующего хода переговоров не знают.

Нами также было установлено, что в посёлке Милянувка проживает любовница “Вира” – Куцевская Барбара, артистка варшавского Большого оперного театра.

На Куцевскую в варшавской опергруппе были агентурные данные, свидетельствующие о её связях с главной комендатурой “АК”. В связи с этим Куцевская нами была арестована.

Майор “Вир”, узнав о её аресте, был обеспокоен её судьбой и при очередной встрече с полковником Пименовым очень просил её освободить, при этом заявил, что, если Куцевская будет освобождена, это для “АКовцев” послужит доказательством уверенности в предстоящих “переговорах”.

Нами было дано согласие на её освобождение, но с условием быстрой организации встречи с представителями главной комендатуры “АК”. Одновременно с этим нами была проявлена заинтересованность во встрече также с главным делегатом Лондонского эмигрантского правительства Янковским,

с которым организация “АК” тесно связана и подчиняется ему в своей практической деятельности.

При очередной встрече с “Виром” последний передал, что “Недзвядек” (псевдоним Л. Окулицкого), узнав об участии офицеров “Польской армии людовой” в этих переговорах, выразил недоверие и отказался от встречи, в связи с чем полковником Пименовым была написана краткая записка “Недзвядеку” и Янковскому, в которой, согласно нашим указаниям, предлагалось встретиться с нами как с представителями командования фронта без каких-либо посредников, имея в виду офицеров “Польской армии людовой”.

Мотивами для предстоящих “переговоров” были выдвинуты вопросы продолжающихся диверсионно-террористических действий аковцев в тылу фронта. Несмотря на это, как нами впоследствии установлено, “Недзвядек”, опасаясь ареста, оттягивал предстоящую встречу под различными предлогами.

Майор “Вир”, видя, что нет успеха в “переговорах”, и подозревая, что ему не доверяют по линии “АК”, решил доказать “АКовцам” свою преданность и написал записку ксендзу города Пружкова (правильно – Прушков. – Авт.) о том, что он является преданным человеком “АК”, но так как ему выражено недоверие со стороны “АК” и Кущевская до сих пор не освобождена, поэтому он не видит иного выхода, как покончить жизнь самоубийством. Написав эту записку, майор “Вир” принял две таблетки окиси никотина (яд), в результате чего произошло сильное отравление.

Нами были приняты меры к спасению жизни “Вира” с тем, чтобы продолжать дальнейшую комбинацию.

После окончания лечения “Вира” в нашем военном госпитале в течение трёх дней он поправился и вновь был включён в комбинацию по “переговорам”. На “АКовцев” это произвело известное впечатление. Мы же “Виру” объяснили, что, как только состоится встреча, освободим Барбару Кущевскую из тюрьмы и передадим ему, гарантируя от дальнейших репрессий.

14 марта в ответ на записку полковника Пименова от Янковского явился вице-директор информации Домбровский Юзеф, который в разговоре прощупывал искренность наших намерений и, когда убедился в этом, сразу же предложил провести предварительную встречу Янковского с полковником Пименовым.

17 марта с. г. в обусловленное время состоялась встреча полковника Пименова с Янковским, на которой было установлено, что Янковский по указанию эмигрантского польского правительства в Лондоне создал подпольный совет министров из четырёх человек, что он является председателем этого совета и возглавляет всю подпольную деятельность на территории Польши, что существует так называемая “Рада Едности Народовой”, опирающаяся на 5 основных подпольных партий, о которых уже сообщалось...

... 22 марта с. г. состоялась вторая встреча полковника Пименова с Янковским, на которой был разработан план проведения предстоящей встречи “генерала Иванова” (И. А. Серова) со всеми представителями подпольных партий, совета министров и “Рады Едности Народовой”.

... 28 марта с. г. в гор. Пружкове представители собрались на нашей специальной даче. Там им было объявлено, что их руководители Янковский, Пужак и Окулицкий по предложению “генерала Иванова” выехали к нему, но ввиду того, что пред принятием решений они желают посоветоваться с ними, их также приглашают явиться к “генералу Иванову”.

В соответствии с Вашим указанием, все они были посажены в закрытые машины и вывезены на аэродром к самолёту, стоявшему в отдалении от других самолётов, после чего самолёт убыл в Москву.

Серов”.

Обстановка в Польше была в тот период достаточно напряжённой, в связи с чем нарком внутренних дел СССР Л. Берия издал 18 апреля следующий приказ о проведении оперативно-чекистских мероприятий на территории, освобождаемой от войск противника:

“Совершенно секретно

В частичное изменение приказа НКВД СССР № 0016 от 11-го января 1945 года (приказ не публикуется)

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Уполномоченным НКВД СССР по фронтам впредь по мере продвижения частей Красной армии на территории, освобождаемой от войск противника, при проведении чекистских мероприятий, обеспечивающих очистку тыла действующих частей Красной армии от вражеских элементов, подвергать аресту:

а) шпионско-диверсионную и террористическую агентуру германских разведывательных органов;

б) участников всех организаций и групп, оставленных немецким командованием и разведывательными организациями противника для подрывной работы в тылу Красной армии;

в) содержателей нелегальных радиостанций, складов оружия, подпольных типографий, изымая при этом материально-технические базы, предназначенные для вражеской работы;

г) активных членов национал-социалистической партии;

д) областных, городских и районных руководителей фашистских молодежных организаций;

е) сотрудников гестапо, "СД" и других немецких карательных органов;

ж) руководителей областных, городских и районных административных органов, а также редакторов газет, журналов и авторов антисоветских изданий;

2. Уничтожить на месте преступления в соответствии с приказом НКВД СССР № 0061 от 6-го февраля 1945 года лиц, уличенных в совершении террористических и диверсионных актов.

3. Командно-политический и рядовой состав армии противника, а также военизированных организаций: "Фольксштурм", "СС", "СА", а также личный состав тюрем, концлагерей, военных комендатур, органов военной прокуратуры и суда направлять в лагеря для военнопленных НКВД СССР в установленном порядке.

4. Командный и рядовой состав т.н. "Русской освободительной армии" направлять в проверочно-фильтрационные лагеря НКВД СССР.

5. Прекратить отpravку в СССР лиц, арестованных в порядке очистки тылов действующих частей Красной армии.

Установить, что вывоз в СССР отдельных арестованных, представляющих оперативный интерес, может быть произведен с санкции НКВД СССР.

6. Для содержания арестованных на месте Уполномоченным НКВД СССР организовать необходимое количество тюрем и лагерей.

Охрану этих тюрем и лагерей возложить на конвойные войска НКВД СССР, имеющиеся в распоряжении Уполномоченных по фронтам.

Замнаркома внутренних дел СССР тов. ЧЕРНЫШОВУ совместно с уполномоченными НКВД СССР по фронтам в пятидневный срок разработать и представить мне на утверждение дислокацию организуемых тюрем и лагерей по фронтам.

Уполномоченным НКВД СССР по фронтам пересмотреть материалы на всех арестованных, находящихся у них под стражей.

Инвалидов, больных, нетрудоспособных, стариков свыше 60-и лет и женщин из числа лиц, не подпадающих под действие пункта 1 настоящего приказа, из-под стражи освободить.

Комиссарам государственной безопасности 2-го ранга т. т. ЧЕРНЫШОВУ и КОБУЛОВУ совместно с начальником ГУВПИ НКВД СССР (Главное управление по делам военнопленных и интернированных) тов. КРИВЕНКО, начальником отдела проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР тов. ШИТИКОВЫМ организовать и провести необходимые мероприятия по фильтрации арестованных, вывозимых с фронтов в лагеря НКВД, руководствуясь при этом следующим:

а) лиц, попадающих под действие пункта 1 настоящего приказа, оставить под стражей в лагерях для интернированных;

б) лиц, не подпадающих под действие пункта 1 настоящего приказа и в отношении которых не будет добыто дополнительных материалов, физически годных передать для работы в промышленность, а инвалидов, стариков и нетрудоспособных по мере окончания проверки освобождать и отправлять в организованном порядке к местам их постоянного жительства.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

Генеральный комиссар государственной безопасности

Л. БЕРИЯ".

Как видим, в этом приказе нет ни слова о действиях против “Армии Крайовой”.

После ареста у Окулицкого был изъят ряд документов. Один из них был предъявлен генералу, который подтвердил, что он составлен и написан им лично.

Приводим некоторые выдержки из документа:

“... В случае победы СССР над Германией, это будет угрожать не только интересам Англии в Европе, но и вся Европа будет в страхе так долго, пока будет там находиться существующий строй и сила.

В первом периоде после победы над Германией англичане смогут собственными силами (не обязательно войной) заставить советы отойти от дел Европы. Вооружённые силы как одной, так и другой стороны подвергнутся демобилизации.

Считаясь со своими интересами в Европе, англичане должны будут приступить к мобилизации сил Европы против СССР и одновременно начать мобилизацию своих сил. Ясно, что мы станем в первых рядах этого европейского антисоветского блока, а также нельзя представить этого блока без участия в нём Германии, которая будет контролироваться англичанами...

... Мы будем включены в антисоветский европейский блок, организованный англичанами, а тем временем должны мы полностью использовать их материальную помощь...

... Пережить этот период с наименьшими потерями. Стараться оградить своих людей от арестов путём переброски их с одного места на другое. Не поднимать открытой борьбы с ППР. Ожидать изменения отношений англичан к СССР. Распространять среди населения мнение, что это всё – преходящая история...

По показаниям Окулицкого, документ им адресован полковнику польской армии под псевдонимом “СЛАВБОР” (таков был псевдоним подполковника Я. Щурек-Церговского. – Авт.), являвшемуся начальником нелегального штаба “Армии Крайовой” в Познани. Фамилию “СЛАВБОРА” ОКУЛИЦКИЙ пока не называет.

Допросы ОКУЛИЦКОГО продолжаются.

Л. БЕРИЯ”.

А вот перевод некоторых выдержек из документа, составленного Окулицким:

“Несмотря на официальное заявление о независимой, демократической и сильной Польше, которая нужна англичанам, как и полякам, Советы хотят, чтобы Польша входила в состав СССР и была полностью от них зависима. Это значит дальнейшее уничтожение страны как с точки зрения биологической, так и хозяйственной.

Отношения англичан к вопросам Польши являются, несомненно, другими, чем Советов. В настоящее время, принимая во внимание происходящую войну с немцами, англичане верят или показывают вид, что верят в правдивость советских официальных высказываний о свободной, демократической и сильной Польше, и не перестанут показывать своей веры до того времени, пока Красная армия будет бороться с немцами, хотя в будущем это враньё проявится более отчётливо, нежели сегодня. В настоящее время решающим мнением и интересом англичан является то, чтобы Советы как можно больше ослабили в борьбе с немцами.

В дальнейшем невозможным явится, чтобы англичане согласились с ростом советского могущества, так как это не в их интересах.

Поэтому мне кажется, что их отношения к Советам изменятся после поражения Германии.

Возможно, что англичане попробуют противопоставить СССР Японии, хотя это является маловероятным, так как Советы здорово обессилели в войне с немцами, и тем самым оттянут внимание Советов от дел в Европе. Но это тоже является маловероятным.

Советы заинтересованы, чтобы война англичан с Японией продлилась дольше, чтобы тем самым обеспечить себе свободу действий в Европе. С этой точки зрения они должны оказывать помощь Японии.

Так или иначе, а отношения англичан в вопросе урегулирования польского дела после поражения немцев обязательно изменятся, причём изменятся в нашу пользу.

То, что мы переживаем сейчас, является наиболее тяжёлым и критическим периодом в этой войне”.

Примечание:

“Перевод с польского на русский язык сделан правильно. Этот документ написан мною лично и изъят у меня при обыске.

Л. Окулицкий”.

Среди части руководства, а также среди актива ППР, состоявшего в значительной мере из членов бывшей компартии Польши, имели место настроения в пользу вступления Польши в состав СССР в качестве 17-й республики. Но эти настроения не определяли ни общие настроения в партии, ни позиции её руководства в целом.

Что касается намерений СССР, то в доступных на сегодняшний день материалах ЦК ВКП(б) за 1944–1948 годы планы вступления Польши в состав Союза не прослеживаются.

17. Операция “Изъятие” – Процесс

Самолёт, стартовавший с только что отремонтированного варшавского аэродрома Окенче, взял курс на восток. Курс был проложен прямо на Москву, но подвела погода, садиться пришлось на запасной аэродром где-то в Ивановской области. Оттуда до Москвы добирались на пригородном поезде.

Разместили всех по камерам внутренней тюрьмы НКВД на Лубянке. Первое, что поразило поляков в здании внутренней тюрьмы, – потом они узнали, что на жаргоне и узников, и тюремщиков она называется “нутрянка”, – полы, устланные роскошными красными ковровыми дорожками.

Сначала всех проводили в отдел приёма арестованных. Их тщательно обыскали, на каждого заполнили специальную анкету, сфотографировали в фас и в профиль, сняли отпечатки пальцев. Затем последовали мытьё в душе и стрижка наголо для медосмотра.

После регистрации начался развод по камерам. Но прежде, чем поместить туда узника, его запирали в тесном помещении размером с телефонную будку. Случалось, что новоприбывшие проводили там по многу часов, пока решалась их судьба.

Камеры были небольшими, там обычно размещали по два человека. Одиночки были ещё меньше. Поляков обычно помещали там. Узкая комната, в которой умещалась лишь металлическая кровать, днём поднимаемая к стене и запираемая на замок, – значит, днём лежать не разрешалось, хотя в “польских” одиночках койки не запирались, и днём можно было полежать; привинченный к полу металлический табурет и маленький столик у окна, забранного частой решёткой, тоже металлический и прикреплённый к стене. Ещё был маленький шкафчик или полка для книг и продуктовых передач. В углу находилась обычная тюремная параша.

Охрана передвигалась бесшумно – обувь у надзирателей была на толстой войлочной подошве. К заключённым относились с подчёркнутой вежливостью, но в дверной глазок заглядывали очень часто.

Больше всего здесь заботились о том, чтобы узники не встречались друг с другом. Достигалось это довольно простым, но весьма эффективным способом. В стенах коридоров были устроены специальные ниши высотой в человеческий рост, шириной не более метра. Если в коридоре встречались двое заключённых, шедших с конвоем навстречу друг другу, то одного из них сразу же ставили в ближайшую такую нишу лицом к стене. Эти ниши тюремщики называли “конверты”.

И был ещё один приём, чтобы избежать встреч заключённых. Каждый из конвоиров во время прохода по коридору позвякивал связкой ключей или постукивал ключом по своей поясной бляхе. Это означало: “Веду заключённого”.

Тем временем следствие шло, и арестованные давали показания, причём довольно откровенные. Накапливался основательный материал для судебного процесса.

И, наконец, наступил тот день. Это произошло 16 июня 1945 года, когда арестованным объявили, что следствие закончено и его материалы переданы

в военный суд. Всем заключённым был вручён обвинительный акт. Процесс должен был быть открытым.

В Лондоне тоже внимательно следили за событиями в Москве. Бывший премьер Миколайчик и всё ещё действующий посол эмигрантского правительства Рачинский встретились “в конспиративной обстановке”, на одной из скамеек Кенсингтонского парка. Это произошло 25 мая 1945 года.

Рачинский отметил, что Миколайчик по-прежнему сохраняет оптимизм. Он отметил потом в своём опубликованном после войны дневнике: “Мне показалось, что, несмотря на многие разочарования, у него сохранилась искра надежды, что положение ещё может исправиться и перед ним откроется дорога в Польшу”.

Это произошло именно в тот день, когда в Москву прибыл специальный посланник нового президента США Трумэна Гарри Гопкинс. Он старался открыть дорогу в Польшу её бывшему премьеру.

Встречи Гопкинса со Сталиным начались 26 июня и продолжались до 6 июля. Гопкинс уверял Сталина, что США не имеют никаких особых интересов в Польше или же желания видеть там какого-то особого рода правительство.

Сталин отвечал, что СССР желает видеть Польшу сильной и дружественной, и у него нет намерений её “советизировать”. Во время очередного обсуждения польского вопроса пошёл разговор и о шестнадцати арестованных поляках. Сталин убеждал Гопкинса, что Янковский и Окулицкий были замешаны “в саботаже стран Оси против Красной армии”.

Посланник президента США заявил, что если в списке лиц, предложенных в состав будущего правительства, окажутся люди, “известные как агенты теперешнего польского правительства в Лондоне”, или же по позиции, враждебной Советскому Союзу, то их вычеркнут. Говорили уже о людях, которых следует пригласить в Москву; говорили о заключённых на Лубянке.

Гопкинс утверждал, что Янковский никогда не предлагался как участник консультаций, с чем Сталин согласился, но заявил своему собеседнику, что англосаксы – члены комиссии трёх – выдвигали фамилии иных арестованных, а именно Урбанского и Багинского.

На вопрос Гопкинса, все ли заключённые поляки обвиняются в одном и том же, Сталин ответил: “Некоторые – в основном большинство – обвиняются только в нелегальном пользовании радиостанциями. Это не относится к генералу Окулицкому и нескольким иным лицам.

Генерала Окулицкого искали довольно давно. И подчеркнул, что никаких переговоров не было. Возможно, что один или два офицера беседовали с ними под собственную ответственность, но никто не давал им таких полномочий – да и не мог быть уполномочен – вступать в дискуссию с этими людьми”.

В тот же день, сразу же после состоявшейся беседы со Сталиным, Гопкинс писал Трумэну: “...я ясно дал понять Сталину, что нас вообще не интересует генерал Окулицкий”.

Точно таким же образом в беседе с Молотовым ещё 4 мая А. Иден определил своё отношение к польскому генералу.

Ещё Сталин добавил, что к части обвиняемых суд отнесётся благосклонно. Гопкинс тут же попросил предоставить им амнистию.

В Лондоне внимательно следили за ходом происходящего, и уже в первых числах апреля эмигрантское правительство через США и Великобританию пыталось выяснить судьбу “пропавших” поляков.

Однако Советское правительство хранило по этому поводу упорное молчание. И лишь 6 мая прозвучало сообщение ТАСС, повторённое 7 мая в Варшаве агентством “Польпресс”, об аресте 16 деятелей польского подполья.

На запросы британского посла А. Керра от 9 и 10 апреля 1945 года В. М. Молотов дал следующие ответы. В первом: “...Советским военным властям не поручалось вести переговоры с представителями польского лондонского правительства... Что же касается упомянутых в Вашем письме имён ряда польских деятелей из агентов лондонского эмигрантского правительства, о задержании которых в Польше Вы сообщаете, то по этому делу наводятся справки, и о последующем я не премину Вас уведомить”; во втором: “... Соответствующие советские органы, перегруженные срочной работой, не имеют возможности заняться в настоящее время проверкой разного рода сообщений относительно арестов в Польше тех или иных поляков и смогут

пойти Вам навстречу в этом отношении лишь по мере представляющейся им возможности”.

Всё это было в русле подготовки к созданию того правительства, о котором великие державы договорились в Ялте; шла работа “комитета трёх”, начатая ещё 23 февраля.

А 4 июня Черчилль писал Трумэну: “Дело пятнадцати или шестнадцати поляков не должно мешать в проведении бесед, переговоров и окончательного решения в вопросе Временного правительства Национального Единства”.

Тактика Сталина оказалась вполне успешной и принесла ожидаемые результаты. Победила его формула создания Временного правительства Национального Единства, высказанная на Ялтинской конференции. По вопросу об арестованных он тоже не поддался на уговоры Гопкинса, пообещав лишь мягкий приговор. Англичане были довольны – они сохранили лицо.

Теперь англичанам надо было решить вопрос с Миколайчиком, который уже подготовил список участников будущих московских переговоров и явно желал туда немедленно отправиться.

Его принял Черчилль 9 июня. В мемуарах Черчилль писал: “Я убедил Миколайчика, чтобы он поехал в Москву”.

Но бывший польский премьер вспоминает об этой встрече по-иному. Якобы Черчилль сказал ему: “Я думаю, что вы воспользуетесь этим последним случаем, чтобы всунуть в дверь не только стопу ноги, но и сами ноги. Я надеюсь, что вы достигнете соглашения, которое вас устроит. Прежде всего, вам надо туда поехать. Сейчас вы можете рассчитывать на поддержку и влияние как англичан, так и американцев”.

Польский посол в США Цехановский, пользуясь дружескими отношениями с Гопкинсом, попробовал в мягкой форме упрекнуть того, что он заключил в Москве по отношению к Польше “нелояльный договор”.

Гопкинс, человек умный и спокойный, ответил неожиданно резко: “Да какое, в конце концов, это имеет значение! Поляки настолько невменяемы, что всегда будут всем недовольны”.

В тот же день польскому послу пришлось внести в свой рабочий дневник и ещё одно весьма точное высказывание, на этот раз начальника восточного отдела Госдепартамента Э. Дарброу: “Господин посол, у меня создается впечатление, что вы имеете преувеличенное представление о мощи Соединённых Штатов. Вы ошибаетесь. Америка недостаточно сильна, чтобы иметь возможность навязать Советскому Союзу свою волю”.

Лондонский “Таймс” 14 июня поместил явно согласованную с английским МИДом статью, озаглавленную: “Прогресс в польском вопросе”. Там утверждалось, что было бы явным сумасшествием утверждать, что Великобритания имеет равные с Россией права и интересы говорить о восточноевропейских делах, или же, в свою очередь, Россия имеет равные с Великобританией права и желания вмешиваться в дела Запада”. Это очень напоминало содержание письма Сталина Трумэну от 24 апреля.

Словом, эмигрантской Польше окончательно указали её место.

Но приглашённые поляки готовились приехать в Москву, где их ожидала “комиссия трёх”.

В Москве же началась подготовка судебного процесса по делу “организаторов диверсий против Красной армии”. В чём конкретно их обвиняли?

Практически всем им вменяли знаменитую статью 58 о шпионаже, разные её пункты. Следует напомнить пункты этой страшной в тридцатые годы прошлого века статьи: пункт 6 – шпионаж; пункт 8 – террор; пункт 9 – диверсии; пункт 11 – создание тайных преступных организаций.

В своё время, в конце тридцатых годов прошлого века, по этой статье были осуждены выдающиеся партийные, государственные и военные деятели Советского Союза.

Обвинительный акт состоял из следующих разделов:

“Организация подпольных вооружённых соединений “Армии Крайовой” в тылу Красной армии.

Создание подпольной военно-политической организации “Независимость” (“Не”).

Террористическо-диверсионная и шпионская деятельность подпольных вооружённых организаций “Армии Крайовой” и “Не”.

Работа нелегальных приёмо-передающих радиостанций “Армии Крайовой” и польского подпольного “правительства” в тылу Красной армии.

Подготовка плана военного выступления в союзе с немцами против СССР”.

Причём в преамбуле обвинительного акта было чётко сказано, что все действия, направленные на свержение или только ослабление советской власти, признаются контрреволюционными актами и будут рассматриваться, как и другие действия, “направленные против иного рабочего государства, даже если оно не входит в состав СССР”.

Здесь был явный намёк в сторону недавно созданного Люблинского правительства.

Главными обвиняемыми были Окулицкий, Янковский, Бень и Яскокович. Их прокурор обвинял “в том, что они были организаторами и руководителями польской подпольной организации в тылу Красной армии на территории западных областей Белоруссии и Украины, в Литве и в Польше, и действовали по инструкциям так называемого польского эмигрантского “правительства” в Лондоне, направляли подрывную работу против Красной армии и Советского Союза, совершали акты террора по отношению к офицерам и солдатам Красной армии, организовывали диверсии и нападения подпольных вооружённых частей, вели пропаганду, враждебную Советскому Союзу и Красной армии, а обвиняемый Окулицкий, кроме того, в ведении разведывательно-шпионской деятельности в тылу Красной армии”.

Остальные двенадцать поляков обвинялись в том, “что они принимали участие в подрывной деятельности польских подпольных организаций в тылу Красной армии, были информированы о невыполнении подпольным руководством приказов советского командования о сдаче радиоаппаратуры, печатной техники, оружия и боеприпасов и использовании их в преступных целях”.

При составлении обвинительного акта использовались данные, полученные в ходе предварительного следствия. Воспользовались показаниями Окулицкого и других, довольно откровенно рассказавших о создании и деятельности “Не”.

В одном из разделов обвинительного акта прямо утверждалось, что **“... в результате деятельности террористических подразделений “Армии Крайовой” в период с 28 июня по 31 декабря 1944 года было убито 277 и ранено 94, а в период с 1 января по 30 мая 1945 года – убито 317 и ранено 125 солдат и офицеров Красной армии”**.

Здесь же, в акте обвинения, цитируется часть признаний Окулицкого от 31 мая, где он **“... принимает на себя ответственность за акты диверсий и террора, совершённые отделами “Армии Крайовой” в отношении солдат и офицеров Красной армии как на территории Советского Союза, то есть в западных областях Украины и Белоруссии, так и на территории Польши”**.

Подобную же ответственность в ходе следствия приняли на себя Янковский, Бень, Яскокович, Пайдак, Звезжинский и Чарновский.

Было упомянуто в обвинительном акте, что только в период с августа 1944 года до мая 1945 года советские военные власти конфисковали 25 нелегальных радиопередатчиков. На территории Польши – 5, и 10 – на территории Западной Украины и Западной Белоруссии.

Говорилось и о том, что “руководство “Армии Крайовой” и подпольное “правительство”, создавая подпольные организации, сохраняли кадры и штабы, оружие и боеприпасы, составляли планы подготовки к военному выступлению в блоке с немцами против СССР”.

Доказательством этому служило письмо Окулицкого коменданту Западного обшара АК “Славбору” от 22 марта 1945 года.

Там говорилось, что “в случае победы СССР над Германией, это будет угрожать не только интересам Англии в Европе, но и вся Европа будет в страхе(...). Считаюсь с постоянным ухудшением своих интересов, англосаксы вынуждены будут мобилизоваться в Европе против Советов. Это поставит нас в первом ряду в европейском антисоветском блоке, который невозможно вообразить без участия Германии, контролируемой англосаксами”.

Во время следствия Окулицкий подтвердил своё авторство этого документа.

Это было, скорее, прогнозом развития послевоенных отношений в Европе. О том, что СССР угрожает Европе, Черчилль писал Трумэну 12 мая. Потом

это проявилось явно в годы холодной войны. Немецкая карта в политической игре стала играть всё большую роль. Вроде бы исполнялись прогнозы Окулицкого, но ни силы подполья, которых уже почти не было, ни тем более Польша не могли оказаться “в первом ряду” европейского “антисоветского блока”, и явно только ничтожная часть поляков хотела бы оказаться в одной с немцами шеренге.

Говорилось и о том, что “руководство “АК” и подпольное “правительство” в своих директивах и листовках распространяли злобные и лживые вымыслы о Советском Союзе и Красной армии”.

Во время следствия Окулицкий сам признался, что называл Красную армию “оккупационной армией, которая заменила немцев”.

Также и пресса, издаваемая департаментом информации Делегатуры, Советский Союз трактовала “как государство оккупационное”, а Красную армию — “как армию оккупационную, заменяющую оккупационную немецкую армию”. Всё это соответствовало статье 58 УК РСФСР.

В связи с вышеуказанным, на основе договора (пункт 7) между правительством СССР и Польским комитетом национального освобождения об отношениях между советским верховным командованием и польской администрацией после прихода советских войск на территорию Польши, “все вышеупомянутые обвиняемые, как попадающие под советскую юрисдикцию советских военных властей, подвергаются передаче суду коллегии Верховного военного суда СССР”.

Суд состоялся, однако его решение было неожиданно мягким. Несколько человек вообще признали невиновными.

18. Печальные итоги войны

Судя по польской прессе, по литературе, а особенно — по фильмам в Польше весь народ оказывал активное сопротивление гитлеровским оккупантам.

Словно соревнуясь друг с другом, польские публицисты называли всё увеличивающееся с каждым годом количество польских участников партизанского движения, подполья и сопротивления. На эту тему защищаются кандидатские и докторские диссертации.

В недавних выступлениях цифра, характеризующая “участие польского народа с оружием в руках во время всей войны”, возросла уже почти до двух миллионов человек — солдат и партизан! Из этого количества почти 1,5 миллиона считаются солдатами регулярных войск. Собственные потери оцениваются в количестве около 450 тысяч убитых и раненых солдат и офицеров.

Только это всё миф. Очередной миф о польском народе-мессии, страдающем и борце. И он в последнее время полностью разоблачён.

Для сравнения достаточно проанализировать аналогичную ситуацию в других странах. К примеру, в Югославии при населении около 16 миллионов человек в ходе сопротивления погибло около 300 тысяч, в Албании, насчитывавшей около одного миллиона населения, погибших было 29 тысяч человек.

В Польше же погибших участников сопротивления было 33 тысячи. Это из 35 миллионов! И сразу ясно: доля населения, погибшего в действительной борьбе с гитлеровцами в Польше, **в 20 раз меньше, чем в Югославии и почти в 30 раз меньше, чем в Албании!**

Но — подчеркиваю! Речь идёт о погибших именно в реальной борьбе; совсем другое дело уничтожение поляков как “расово неполноценных славян”.

До сих пор на польском пропагандистском рынке неизменно присутствует цифра в **6 миллионов погибших поляков**. Но это лукавство. Из этого количества 2 млн 800 тысяч были евреями, с удовольствием выданными поляками немецким оккупантам. Всего же в Польше проживало тогда 3 млн 300 тысяч евреев.

Безусловно, поляки воевали и несли в войне потери. Войны без потерь не бывает. Общая цифра погибших за родину польских военных — и в 1939 году, и в составе советских войск, и на Западе, и на Ближнем Востоке — 123 тысячи человек (в некоторых польских источниках называют цифру 127 и даже 137 тысяч. Что, в общем-то, представляет собой незначительные расхождения). А это **0,3 % от всего населения в 35 миллионов**.

Прямые же только военные потери нашей страны – около 9 миллионов человек (не считая общих потерь, которые составляют ещё дополнительно 18 миллионов). А это **5% населения страны**.

Немцы потеряли (чисто германские потери) 5 миллионов солдат и офицеров – около 7 % населения страны.

Отдельный вопрос о военнопленных. За четыре года войны Красная армия взяла в плен более 4 миллионов военнослужащих 24 национальностей, воевавших в составе немецко-фашистских войск против нашей страны.

В Польше тщательно замалчивается, что **поляков, воевавших на стороне Гитлера, было даже больше, чем его союзников итальянцев**. Только в советском плену итальянцев было 48 967 человек, а поляков-гитлеровцев – 60 280! Впрочем, чехословаков, к их стыду и позору, этих “благодарных швейков” в гитлеровских мундирах, в советском плену было не меньше – 60 тысяч 177 человек!

Всего же в рядах вермахта и даже СС воевало против СССР более 100 тысяч поляков... Нигде в Польше, ни в одном школьном учебнике вы не найдёте этих данных, говорящих о национальном польском позоре!

Во Второй мировой войне народы мира потеряли:

Чехословакия – 150 тысяч военнослужащих и 215 тысяч мирного населения.

Франция – 250 тысяч военнослужащих и 350 тысяч мирного населения.

Югославия – 300 тысяч военнослужащих и 1,4 миллиона мирного населения.

Англия – 326 тысяч военнослужащих и 62 тысячи гражданского населения.

США – 418 тысяч военнослужащих.

Германия – 7 миллионов – общие потери.

СССР – 26,6 миллиона общих потерь...

Посещая мемориал Донского монастыря в Москве, я всегда задерживаюсь у места, которое называется “могилой невостребованных прахов”. Это общая могила, где нашли свой конец Тухачевский и Бухарин, Мейерхольд и Берия, Зиновьев и Каменев, генералы Краснов и Власов, а также многие, многие другие, чьи имена так и остались неизвестны...

Здесь же с 1938 года находится и прах моего деда, тоже – невостребованный...

Здесь же нашли вечное успокоение и останки польских политических и военных деятелей, осуждённых по “Процессу 16-й”: Станислава Ясюковича, умершего в заключении в 1950 году; генерала Леопольда Окулицкого, умершего 24 декабря 1946 года, и вице-преьера эмигрантского правительства Яна Станислава Янковского, скончавшегося 13 марта 1953 года, за две недели до окончания тюремного срока. Были они правы или не правы в своей деятельности, но смерть уравнила всех. Такова высшая воля истории...